

Библиотека Приенисейского Краевода.

(Под редакцией В. П. Косованова).

№ 10.

Н. К. АУЭРБАХ.

Сектор
В Библиотеке
М. Д.

ДОИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ

Приенисейского Края.

1. Каменный период.

ИЗДАНИЕ СРЕДНЕ-СИБИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.

Цена 25 коп.

57
A-93

~~430773~~

Красноярск, 1929 года.

К. Р.

ДОИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ ПРИЕНИСЕЙСКОГО КРАЯ.

I. КАМЕННЫЙ ПЕРИОД.

Прародина человека и эволюция материальной культуры.

Ученые спорят о том, где впервые появился на земле человек и в какой области земного шара он сделал свои величайшие открытия огня и первого орудия. Большинство современных исследователей считают прародиной человека—Азию. Для нас заслуживает особого внимания новейшая гипотеза русского ученого, крупнейшего исследователя азиатской фауны, П. П. Сушкина, доказывающего возникновение нашего прародителя, как одного из интереснейших биологических типов—в высокогорной области Азии, с которой наш край граничит на юге Алтайско-Саянской горной системой.

Древнейшие культурные остатки человека являются бесспорными для начала четвертичной эпохи *), что же касается остатков человека, обнаруженных в отложениях третичной эпохи, то они, вследствие своей малочисленности и неопределенности вызывают возражения многих ученых. Однако, будет правильнее признать, что человек уже жил на земле в третичное время, в ту эпоху, которая названа эолиитической, поскольку в четвертичное время мы застаем человека вполне определившимся, как разумное существо, знакомого с огнем и расселившегося на громадной территории земного шара.

Остатков эолиитической эпохи у нас в Сибири не найдено, как равно и следующей эпохи—археолитической (Шельской и Ашельской), соответствующей межледниковому теплomu времени, хорошо представленной во Франции, частично в Крыму и недавно открытой в Китае. Также не найдены у нас следы человека Мезолитической (Мустье) эпохи, совпавшей с одним из оледенений четвертичного времени. У нас в Сибири первые остатки человека относятся к палеолитической эпохе (Ориньякской, Салютрейской и Мадленской)—связанной в Европе с концом ледникового времени.

Обитал человек на Енисее и в следующую за палеолитической эпохой—неолитическую (нового камня), имевшей место в геологически современную эпоху, когда тяжелые последствия ледников уже сгладились. Есть основания предполагать, что отдельные, оторванные от более культурного юга племена продолжали оставаться на стадии неолитической культуры среди тайги или тундры даже в то время, когда в Минусинском крае пышно расцветала мощная культура бронзы.

*) См. о четвертичной эпохе в книжке № 2 нашей „Библиотеки“: Гуковский. Геологическое прошлое Приенисейского края.

Р. Р.

История исследований.

Работа научных организаций.

В истории исследований каменного периода нашего края главная роль принадлежит сибирским научным обществам и музеям. Музеи нашего края с первых же лет своего возникновения (Минусинский имени Н. М. Мартыанова 1897 года, Енисейский 1883 г. и Красноярский 1889 г.) обратили серьезное внимание на сбор археологических коллекций и, в том числе, предметов каменного периода. Средств на раскопки музеи не имели и сотрудники музеев были вынуждены ограничиться сбором случайного, так называемого „подъемного“ материала—различных орудий и костей животных, находимых в оврагах после дождя, в подмываемом берегу рек, на дюнных песках и т. д. Этот подъемный археологический материал, т. е. материал, поднятый прямо с поверхности земли без достаточного выяснения его залегания в почве, стал поступать в наши музеи из различных мест края—от членов научных обществ, учителей, учащейся молодежи, крестьян и к началу революции наши музеи, и Красноярский в особенности, уже имели большие собрания различных орудий каменного периода, дающих общее представление об археологических находках того или другого района. В 1920 году открылся музей в Канске, в 1925 г.—Ачинске и новые музеи также приступили к сбору археологических коллекций.

Первое научное общество, работавшее над изучением памятников каменного периода нашего края, было—Восточно-Сибирский Отдел Русского Географического Общества в Иркутске. Отдел поддерживал в 1880—90 г.г. исследования Савенкова и Еленева, о которых мы скажем ниже. К сожалению Отдел не мог сохранить в Сибири коллекции собранные Савенковым: они были переданы Академии Наук СССР.

С 1920 г. систематические исследования по каменному периоду нашего края ведет Средне-Сибирский Отдел Географического Общества. Ему принадлежит честь организации больших археологических работ 1920—28 г.г. Из местных сибирских учреждений в нашем крае после революции работали над изучением памятников каменного периода: ВСОРГО—в 1923 г., Томский университет 1920—21 и Общество изучения Сибири (Новосибирск) 1926—28 г.г. Из научных учреждений центра необходимо упомянуть о Русском Музее и Институте Археологической Технологии в Ленинграде.

Исследования И. Т. Савенкова. Полвека тому назад мы ничего не знали о каменном периоде нашего края: в известной сводной работе Уварова „Каменный век“ (1884 г.) имеются неточные указания на несколько местонахождений каменных орудий на Ангаре, под Красноярском и в Минусинском крае. Впрочем, уже в 60-х годах прошлого столетия начал собирать каменные орудия для своей знаменитой археологической коллекции—сибиряк-геолог, горный инженер И. А. Лопатин. Первые же исследования по каменному периоду нашего края были произведены также сибиряком, большим по таланту, силе воли и эрудиции человеком, педагогом, а впоследствии видным ученым—И. Т. Савенковым (1847—1914). С его именем связаны крупней-

ые археологические исследования северной Азии—открытие палеолитической эпохи под Красноярском.

Летом 1884 года этим исследователем были подняты на дюнных песках вблизи Ладеек в окрестностях Красноярска грубой обработки каменный скребок и кости дикого быка. По совету И. А. Лопатина И. Т. Савенков приступил к обследованию выемок для добывания глины, окаймляющих так называемую Афонтовую гору близ Красноярска и расположенных на том месте, где теперь проложен жел. дор. путь от вокзала до ж. д. моста. Здесь были в 1880 г. кустарные кирпичные заводы. При осмотре одного разреза Савенков 17 августа 1884 года нашел каменное орудие древней формы из яшмовидного сланца и после этого приступил к систематическому изучению открытой им стоянки. Не имея средств на раскопки, он собирал у рабочих различные предметы, находимые в глине: каменные и костяные орудия, обломки этих орудий, кости животных, в продолжении многих лет вел записи глубин находок, условий залегания предметов и т. д. Собранная им коллекция костей ископаемых животных, найденных с древнейшими орудиями человека определена И. Д. Черским: кости оказались принадлежащими мамонту, носорогу, северному оленю, бизону, лошади и др. животным. И. Т. Савенков производил систематические экскурсии в окрестностях Красноярска и обнаружил орудия типа Афонтовой горы в различных местах: у Переселенческого пункта, д. Ладеек, на запад от Афонтовой горы—на месте кирпичных заводов и т. д. Одновременно И. Т. Савенков произвел геологические исследования долины р. Енисея и выступил в 1892 г. со сводным докладом о своих исследованиях в Москве, на международном антропологическом конгрессе. Русские ученые отнеслись к его работе очень сдержанно. Только французский археолог Де-Бай оценил всю научную важность открытий сибиряка и совершил в Красноярск поездку для проверки на месте выводов нашего исследователя и согласился с этими выводами.

В 1893 году Савенков уехал из Сибири и только после 1910 г. смог приступить к продолжению своих исследований. Он начал усиленно готовиться к большой археологической экспедиции, которая должна была обследовать свыше 60 мест по Енисею, где по предложению ученого, должны были быть палеолитические стоянки. В 1914 году он, наконец, приступил к раскопке одного из участков стоянки Афонтовой горы (во дворе нефтесклада), организовал раскопки очень тщательно, добыл большие коллекции, но заболел, не успев составить отчета о своих исследованиях и умер в 1914 г. Ящики с коллекциями были отправлены в Академию Наук. Исследователи, работавшие после Савенкова даже не знали до 1925 г. мест его раскопок и только впоследствии от сына покойного и пользуясь архивом Савенкова, бережно хранящимся в Минусинском музее, могли восстановить полную картину исследований талантливого сибирского ученого.

С именем И. Т. Савенкова связаны не только открытия палеолитической эпохи в северной Азии, но и первые исследования в области неолитической эпохи нашего края. В 1884—5 г.г. он раскопал урочище „Бор“—дюны близ деревни Базаихи—и обнаружил шесть

погребений. Костяки были положены головой на запад и северо-запад, с ногами немного согнутыми. При одном скелете вместе с кремневыми наконечниками стрел и каменными скребками был найден медный кельт (топор). Этот костяк не имел правой руки. При другом скелете между ребер были обнаружены остатки черепа маленького ребенка. Последний костяк найден с крайне загадочным способом погребения. Труп, казалось, наполовину был превращен в пепел. У скелета отсутствовали позвонки, ребра, кости рук, ключица и плечевая кость. Череп был пробит в височной области, близь него помещался таз перевернутый на бок. Около костей наблюдалась красноватая окраска грунта, зола, пепел и остатки от вбитых деревянных кольев. На некотором расстоянии от черепа среди каменных и костяных орудий были найдены расположенные в кучке замечательные вещи: фигурные изображения из рога лося: обломок маленького идола с клювом птицы, фигурка лежащего копытного животного с открытым ртом, голова лошади, фигура самки лося и маленького лосенка. Савенков отнес найденные им погребения к концу неолитической эпохи. К сожалению, ему не удалось опубликовать подробного отчета о раскопках, а найденные им предметы так и не были подвергнуты научному описанию. Поэтому материалы и выводы исследователя требуют пересмотра в свете новейших открытий.

В настоящее время можно только указать на связь этих погребений с китайским могильником Иркутского округа, с которым байские погребения имеют общее, как в положении костяков, так и в украшениях.

Савенков произвел ряд поездок по Енисею от Минусинска до Красноярска и в своей работе „Каменный век на Енисее“ первый описал целый ряд им открытых стоянок. В работе об изобразительном искусстве на берегах Енисея, он отнес некоторые из известных на Енисее писаниц к каменному периоду. Новейшие исследования не подтвердили этой датировки. Наконец, в конце своей жизни, живя в Минусинске, Савенков собирал материалы для археологической карты Минусинского края. Эта карта насчитывает очень большое число памятников, но до сих пор не опубликована.

Раскопки Еленева. Под влиянием Савенкова в конце 80-х годов в Красноярске образовалась целая группа краеведов, которые начали вести самостоятельные исследования. К этой группе принадлежали Проскуряков, Еленев и др. Последний в конце 80-х годов произвел большие раскопки пещер близ дер. Бирюса в 45 км. вверх по Енисею от Красноярска. В одной из пещер им были констатированы следы обитания человека неолитической эпохи. Культурный слой залегал на глубине 2,2—2,5 м. и имел толщину 10—20 см. В этом слое были найдены каменные осколки со следами искусственной обработки, нуклеусы, различной величины и формы скребки, ножевидные пластинки и клиновидные грубообтесанные тесла или долота и большая коллекция костяных орудий: кинжалов—вкладышей, шильев, иголок и обломков гарпунов, из глиняных изделий—черепки орнаментированных горшков и неопределенной формы слепок. В 1890 году тем же Еленевым была обнаружена в устье р. Бирюсы на правом ее берегу очень интересная стоянка. Небольшими разведоч-

ными раскопками здесь было найдено три культурных слоя содержащих угли, каменные орудия, каменные осколки и кости животных. Исследования пещер и стоянки Еленев до конца не довел, а собранные коллекции научно не описал.

Находки В. В. Передольского. В 1894 году В. В. Передольским было обнаружено в районе д. Перевозной близь Красноярска несколько погребений, из которых три погребения он отнес к неолитической эпохе. От одного костяка сохранились только кости нижних конечностей; поверх их лежали 7 пластин из мамонтовой кости в (5—8 см шириной и 15—30 см. длиною), снабженные по краям сверлинами. Череп второго костяка был покрыт крошечными костяными кружочками со сверлинами в центре. Этих кружочков собрано несколько тысяч. Третий костяк оказался пробитым стрелами: 2 кремневых наконечника лежали внутри грудной клетки, а третий наконечник засел в тазовой кости. Безусловно, В. В. Передольским были сделаны интересные находки, но в науке они оставили небольшой след, так как исследователем не был опубликован подробный отчет о раскопках.

Работы А. П. Ермолаева и др. После передачи в 1900 г. Красноярского городско-го музея в ведение Средне - Сибирского Отдела Русского Географического Общества оживилась археологическая работа в Красноярске. Работники музея А. Я. Тугаринов, А. П. Ермолаев начали вести систематические сборы археологического материала для музея, в окрестностях Красноярска и со стоянок от д. Означенной до Красноярска по Енисею, по Тубе и в других местах ими было открыто много новых местонахождений каменных орудий и в том числе палеолитическая стоянка близь Военного городка под Красноярском. А. П. Ермолаев, кроме того, обнаружил очень интересную группу стоянок под Канском.

Находками Сергеева была констатирована палеолитическая стоянка у Переселенческого пункта под Красноярском.

Кроме того тем же исследователем было случайно обнаружено в 1917 г. 7-ое погребение на дюнах близь Базаихи. Костяк, принадлежавший, повидимому, молодой женщине, лежал на спине с вытянутыми руками и головой на запад и имел богатое шейное украшение из костяных пластинок, нанизанных вместе с просверленными зубами животных и небольшими кружочками из речных раковин.

Исследования Мергарта. Внимание исследователей было вновь привлечено к изучению каменного периода нашего края работами австрийского ученого, военнопленным попавшего в Сибирь, и здесь сотрудничавшего при Красноярском музее в 1919—22 г.г. Шла гражданская война и обстановка для исследований была неподходящая и все же Мергарт совершил ряд научных поездок по краю в районе Бузуново-Красноярск. обнаружил по Енисею новые палеолитические стоянки, первый дал научное описание этих стоянок, опубликовал большое число рисунков палеолитических орудий и дал впервые общий анализ этих орудий, проведя параллели с орудиями той же эпохи Западной Европы.

Исследования Средне - Сибирского отдела РГО и Красноярского музея в 1923—28 годах.

Новый шаг вперед был сделан в 1923 г., когда Средне - Сибирский Отдел Географического Общества и Музей Приенисейского края приступили к организации систематических исследований каменного периода в нашем крае, и в частности, палеолитической эпохи, сопровождавшихся большими раскопками. Исследования эти шли непрерывно с 1923 г. по 1928 г. под общим руководством В. И. Громова, Г. П. Сосновского и автора. Были произведены раскопки стоянок каменного периода под Красноярском: Афонтова гора, Переселенческий пункт, Бирюса, Кирпичные сараи, Военный городок и в Минусинском крае: Кокорево, Забочки, Каменный лог, Бузуново и других. Особенно большие работы в продолжении нескольких лет велись на первых трех стоянках. Кроме того, были поставлены разведочные исследования и по Енисею и отчасти Чулыму. Одновременно с археологическими были организованы и геологические исследования.

Работы Красноярских организаций заинтересовали центральные учреждения Союза и в дальнейшем местным исследователям помогали и учреждения Академии Наук и Академия материальной культуры и Институт Археологической технологии, Ранион и др., не говоря уже о сибирских научных учреждениях, как ВСОРГО, Общество изучения Сибири и др. Заинтересовалось работами и население Красноярска. Раскопки Афонтовой горы посетило 3000 человек, учащаяся молодежь организована археологический имени И. Т. Савенкова кружок, который в 1923—26 г.г. увлеченно работал в окрестностях Красноярска.

В 1928 г. очень интересные разведки в окрестностях Красноярска на стоянке у р. Собакиной близ Монастыря были поставлены молодым исследователем, археологом музея В. Г. Карцевым.

Раскопки Афонтовой горы.

Особый интерес представляют раскопки Афонтовой горы. Остановимся на этих раскопках подробнее. Афонтова гора—это небольшая возвышенность под Красноярском, на которой расположены городские поселки Труда, III Интернационала, Сахалин и Таракановка. В эпоху обитания на Енисее человека палеолитической эпохи Афонтова гора спускалась на восток к древней протоке Енисея. Эта протока шла от места нынешнего ж. д. моста в направлении к р. Каче прямо по линии ж. д. По левому берегу ее располагались становища палеолитического человека. Найдено несколько становищ, но мы расскажем только о главнейших: обнаруженных под дачами Юдина—так называемая Афонтова II и во дворе Нефтесклада—Афонтова III. На Афонтовой II было найдено 2 залегающих друг над другом культурных слоя: первый слой, бедный находками был найден в лессе на глубине всего 0.05—1.4 м. от современной поверхности, второй—в лессовидной супеси на глубине до 11 м. На фоне палево-бурой супеси нижний слой резко выделялся своеобразной окраской—иногда ярко черного цвета от присутствия угля и золы. Он был насыщен всевозможными остатками деятельности человека. Здесь были найдены кострища с задымленными камнями, углем и золой, кусочки краски, огромные скопления каменных осколков—настоящие мастерские каменных орудий, целые и сломанные орудия из кости и камня, различные украшения, и целые кучи кухон-

ных отбросов—раздробленных костей убитых и съеденных животных, принадлежавших северному оленю, мамонту, бизону, маралу, сайге, лошади, песцу, волку, зайцу и др. животным. Многие кости были расколоты вдоль—для добывания мозга.

Из всех находок, сделанных при раскопках для нас особенно ценны—орудия труда древнейшего человека. По этим орудиям мы можем получить представление о производственных отношениях первобытного общества.

Каменные орудия приготовлены из речной гальки. Больше всего—скребков различной формы и величины. Крупные скребки обычно сделаны из продольно расколотых продолговатых галек; нижняя сторона у них оставлена без обработки. По краю другой стороны идет дополнительная оббивка для того, чтобы получить лезвие скребка. Скребки служили человеку для обработки шкур животных, кроме того, у него были каменные ножи, похожие на скребки, но более узкие; орудия, употреблявшиеся непосредственно в руке (ручные острокопечники, кулачные топоры), разнообразной формы резцы для работы по кости, проколки, провертки, долота и особенно много—мелких скребочков и маленьких острых ножевидных пластинок, отщепленных от ядрищ-нуклеусов. Этим пластинок найдено несколько сот, на некоторых сохранились следы от работы. Вместе с орудиями были найдены и отбойники-камни, которые служили для обработки галек. Из костяных орудий обращают на себя внимание наконечники с продольными желобками для вставки каменных пластинок.

Из кости мы имеем еще прекрасные шилья, проколки, из бивня мамонта—орудия похожие на кинжалы и очень тонкой работы мелкие иглы; из рога северного оленя—какие то загадочные предметы неизвестного назначения, со сверлиной у глазного отростка рога—так называемые начальнические жезлы. Савенковым еще в 1880-х годах были, кроме того, найдены костяные фасеточные молотки—употреблявшиеся, наверное, как инструменты для окрашивания шкур. Интересны шарики—из бивня мамонта, подвески из зубов животных и трубчатых костей, из бивня мамонта, мыльного камня и плоские круглые пуговицы из бивня мамонта.

На Афонтовой горе были найдены остатки костей палеолитического человека. Эти остатки невелики—3 обломка костей руки, фаланга и зуб, но эти остатки пока единственные во всей Сибири. По ним нельзя охарактеризовать физический тип охотника за мамонтом. Можно только установить, что древний охотник принадлежал к современному виду человека, конечно, отличаясь от него некоторыми особенностями.

На другой стоянке Афонтовой горы—Афонтовой III также было обнаружено 2 культурных слоя, по времени их образования они оба близки к нижнему слою Афонтовой II. Находки также многочисленны. Особенно интересна небольшая ступка, вырезанная из бивня мамонта: на ее дне сохранились следы краски, инструмент из камня в виде гребешка для обработки костяных игл, плитки песчаника для полирования костяных орудий и др.

Бирюса. Раскопки других палеолитических стоянок (Переселенческий пункт, Кирпичные сараи, Кокорево и др.) значительно дополнили тот материал, который был добыт на Афонтовой горе. Инвентарь этих стоянок, в общем, похож на находки Афонтовой. Разница пока установлена в условиях их залегания и в фауне. Много нового дали дополнительные исследования Бирюсинской стоянки, открытой еще Еленевым. Здесь было найдено не 3, а 5 последовательно залегающих друг над другом культурных горизонтов. В нижнем слое, обнаруженном на глубине 180—200 см. в толще глинистых песков найдены очаги с крупными камнями, зола, уголь, орудия (кулачный топор, острия, мелкие скребки и др.), подвески из зубов животных, костяная игла и обломки костяных орудий, напоминающих орудия Переселенческого пункта. Вместе с орудиями были найдены расколотые кости северного оленя, лошади, зайца и др. животных. Второй и третий слои бедны находками, четвертый же слой (считая снизу) оказался богатым всевозможными культурными остатками. Он залегал в желтом суглинке на глубине 85—90 см. и дал целую серию орудий: скребочков, скребков, резцов и т. д. также очень похожих на находки Афонтовой, но имеющих от них и некоторые различия.

В слое обнаружены остатки лошади, оленя, волка, дикого барана и зайца. И, наконец, непосредственно над 4 слоем залегал в черноземе 5-й культурный горизонт, который дал большое количество каменных орудий, но уже других форм: двухсторонней обработки скребки, клинообразные частично отполированные топоры, долота, наконечники стрел, обломки глиняной посуды и остатки марала и лошади.

Исследования С. А. Теплоухова. В 1920—28 г.г. систематические археологические исследования в Минусинском крае были поставлены С. А. Теплоуховым. Основное внимание этого исследователя было обращено на изучение памятников металлических культур, но попутно им велись исследования палеолитических и неолитических стоянок Минусинского края. Особенно ценно открытие С. А. Теплоуховым своеобразных погребений—названных им Афанасьевскими и отнесенных к энеолитической культуре—т. е. переходной от неолита к металлу. Могилы этой культуры плоские без насыпей. Могильные ямы завалены камнями с землей. Костяки лежат с подогнутыми ногами, ориентированы головой на юго-запад. Погребальный инвентарь—бедный. Чаще всего попадаются остродонные сплошь орнаментированные сосуды, реже—орудия из камня (песты, терки, наконечники стрел, кости, иглы, игольники, ожерелья из раковин и др.) и еще реже из меди (пластинки).

В погребениях найдены остатки погребальной пищи—кости щуки, изюбря, лошади, домашнего быка и какого то крупного дикого быка.

Черепки горшков той же культуры констатируются Теплоуховым в под'емном материале дюнных стоянок Батени, Езагаш, Анаш, Тесь, Усть-Абаканск, Самодуровки, Городчанской, Означенной, Восточного, Лугавского и в окрестностях Красноярска.

В 1928 г. С. В. Киселев произвел раскопки погребений Афанасьевской культуры близ д. Тесь Минусинского округа и обнаружил новые формы, дополняющие инвентарь каменных орудий этой культуры: больших размеров каменную „секиру“, топор, шар и др. Дальнейшее изучение памятников Афанасьевской культуры должно выяснить, насколько правильно эта культура датируется переходным от камня к металлу времени.

Важнейшие моменты доисторического прошлого Сибири.

Задолго до появления человека на земле вся Заенисейская Сибирь вместе с горными цепями нашего юга (Саяном и Алтаем) и высокими областями центральной Азии представляла собою древнюю сушу — Ангаро-Китайской материк, омываемый со всех сторон морем. В четвертичную эпоху, к которой относят первые бесспорные следы человека на земле, море уже отступило и суша в грубых чертах приняла современные очертания.

Ледниковый покров занимал весь север Азии до широты, приблизительно, 62—64° и простирался от Уральских гор до берегов Тихого океана. „В южной Сибири Саян и Кузнецкий Алатау скрывались под льдами, а Алтай был окутан ими в центральной и южных частях“ (В. А. Обручев).

Следы оледенения, повидимому, констатированы совсем недавно в Енисейском кряже и даже под Красноярском.

Весьма вероятно, что ледниковый покров преграждал сток воды к Ледовитому Океану, благодаря чему в средней полосе Сибири образовались большие водоемы. Только с юга эти водоемы граничили с непокрытыми льдом пространствами, на которых могли обитать животные.

По мере отступления ледников к северу, за ним скатывались воды сперва более мелких озер, потом большого Сибирского озера, заполнившего Сибирскую низменность и открывались новые годные для обитания пространства, по которым двигались животные. После первого наступления ледников и последовавшего отступления происходило вторичное наступание, но значительно меньшее по своим размерам и продолжительности.

Оледенение Сибири не достигло тех размеров, какие установлены в Европе и северной Америке. Ледяной покров у нас не был сплошным; ухудшение климата в Сибири продолжалось и после отступления ледников.

Морская трансгрессия.

Морская трансгрессия — наступление на сушу холодного моря установлена на северном берегу Сибири. Повидимому наш край испытал два наступления моря — первое более древнее в начале четвертичной эпохи, захватившее долину Енисея до 67¹/₂° и может быть до 63° в бассейне Вилюя, и второе послеледниковое, распространяющееся недалеко от современного берега.

К сожалению, все эти явления еще не увязаны хронологически не только с соответствующими лучше изученными явлениями Европы, но даже не решен еще окончательно вопрос о хронологическом соотношении оледенения и трансгрессии в самой Сибири.

Изменения климата.

Во всяком случае, оледенение и трансгрессия сыграли крупную роль в изменениях климата Сибири. В зависимости от этих изменений происходила вековая борьба с переменным успехом между тайгой и тундрой, тайгой и степью.

Эту борьбу мы можем наблюдать и сейчас в различных частях нашего края. На далеком севере, в Туруханском крае близь Дудинки, можно в наше время видеть, как тундра наступает на тайгу: среди тундры встречаются как бы кладбища леса,—трупы изогнутых стелящихся по земле стволов деревьев, не приспособившихся к новым изменениям климата и побежденных тундрой. Под Красноярском можно наблюдать движение тайги на степь. Оно шло бы значительно ошутительнее, если бы в борьбу не вмешался человек, жестоко обезлесивающий окрестности города.

Очертание широтных зон тундры, тайги, лесостепи и степи в зависимости от колебаний климата изменялись, то в сторону расширения одних зон, то других.

Передвижения животных.

По мере ухудшения климата, связанного с наступлением ледников, северная фауна отступала к югу, горная фауна по мере охлаждения климата спускалась вниз, смешивалась с северной. Когда ледник отступал, за ним вслед продвигалась северная фауна, захватив с собой часть представителей горной фауны. Северные формы не могли проникнуть далеко на юг—им мешали горные области, зато формы центрально-азиатского происхождения широко распространялись не только по нашему краю. Они расселялись в Европу вдоль горных хребтов, широко распространились по Азии и на севере ее и северным путем снова проникли в Европу. Они проникли и в северную Америку.

Древнейшие культурные влияния.

О древнейшем переселении человеческих рас в северной Азии мы имеем очень мало материала. Эти передвижения, конечно, должны были быть значительными; человек наверное расселялся и по нашему краю, следуя по путям, проложенным животными.

Древнейшие культурные остатки, найденные в нашем крае, свидетельствуют о том, что древний насельник Енисея владел такой техникой изготовления орудий, которая на первый взгляд носит примитивный характер, но на самом деле имеет долгий опыт многих тысячелетий. Где и как приобрел человек этот опыт—вот вопросы, стоящие перед нами.

На основании изучения древнейших орудий нашего края д. Мергарт приходит к выводу, что в палеолитической культуре Енисея имеются два культурных влияния: более древнее влияние неизвестного культурного центра и более молодое идущее в наш край с запада, не без участия Европы. После исследований д. Мергарта были сделаны новые археологические открытия палеолитических стоянок на востоке: Мальта близь Иркутска, по р. Селенге и в Китае. Эти открытия позволяют высказать предположение о том, что древнейшее культурное влияние шло в наш край в направлении с востока на запад. К аналогичному выводу приходит и Богараз-Тан на основании этнографических фактов. Что же касается более молодого влияния, идущего в наш край с запада, то после выхода в свет работы

Мергарта к сожалению в западной Сибири не было сделано таких открытий, которые подтвердили бы или наоборот опровергли гипотезу австрийского ученого.

Палеолитическая эпоха.

Мы застаем человека на берегах Енисея в ту стадию конца ледникового времени, когда началось осущение климата и дальнейшие его изменения в сторону континентальности.

Енисей был значительно шире современного и его берегом служила та терраса, которая ныне находится на высоте 15—18 метр. над уровнем реки. Обширные пространства степей и почти лишенные древесной растительности горы, а местами и тундра—вот что представлял район Красноярска в то время отделенное от нас несколькими тысячелетиями. Здесь не редки были мамонты, зимой по безлесным долинам северные животные могли глубоко проникать на юг, а весной, когда степь покрывалась растительностью здесь появлялись дикие лошади, сайгаки и быки.

В тундре были обычно—северный олень, песец и заяц, на голых скалах—дикие козлы и бараны, а на склонах, покрытых лиственницей и, может быть, местами сосной, можно было встретить росомаху, медведя и марала; в болотистых озерах и станицах, остатках усыхающих протоков и заводей Енисея, окруженных густыми зарослями ивы, ютилось, вероятно, не мало болотной дичи (по Громову).

Такова были физико-географическая среда, окружавшая древнейшего человека нашего края. Применение огня ему было давно известно.

Правда, первобытный человек на Енисее широко пользовался в своем хозяйстве такими грубо сработанными каменными орудиями, как ручные топоры, скребла, и др., которые в это время или совсем исчезли в Европе, или встречались очень редко. Но рядом с примитивными орудиями, бесспорно целесообразными, поскольку они соответствовали определенным хозяйственным потребностям, мы видим у древнего насельника нашего края каменные орудия прекрасной обработки и весьма рациональной формы, как, например, ножички, скребочки и ряд специальных инструментов. Большого совершенства достиг первобытный человек в изготовлении костяных орудий и различных украшений. Его дротикам, изящным иглам из мамонтовой кости и в особенности ожерельям из просверленных зубов животного и подвескам из желтого мыльного камня позавидовал бы и современный туземец севера. Наверное значительные успехи первобытный человек имел в резьбе по дереву, в техническом использовании бересты, веток и т. д., в обработке шкур животных, но к сожалению, суровое время безжалостно уничтожило все работы из этого материала.

Основным производством палеолитического человека была охота. У нас нет пока данных говорить о том, что человек занимался на Енисее рыболовством. На стоянках костей рыб не найдено, не найдено и остатков рыболовных принадлежностей. По аналогии с другими областями, мы все же думаем, что палеолитический человек и у нас промыслял рыбу, но это производство крупной роли в его хозяйстве не играло.

Наверное большое значение имело в его хозяйстве добывание готовой растительной пищи: различных ягод, корней и т. д., но материалы раскопок, конечно, об этом нам ничего сказать не могут. Каких либо следов земледелия и скотоводчества, также не найдено.

Остатков домашних животных не обнаружено. Впрочем есть основания предполагать, что отдельные экземпляры волка уже в палеолитическую эпоху находились в стадии, близкой к приручению.

Таким образом, палеолитический человек вел хищническое хозяйство, он уничтожал производительные силы природы, их не восстанавливая. При таком хозяйстве небольшой группе людей для эксплуатации необходима большая площадь... Естественен, при этом бродячий образ жизни: древний охотник переходил с места на место, следуя за передвигающимися стадами животных. Наверное он так же „летовал“ и „зимовал“, как современный туземец севера в определенных районах, имеющих изобилие дичи. О том, какими жилищами он пользовался, мы точно не знаем—следов их не обнаружено; нужно думать, что жилищами ему служили шалаши, переносные легкие „чумы“, покрытые шкурами животных—на подобие жилищ северных туземцев и пещеры. Правда, в пещерах его следов в нашем крае еще не найдено, но наши пещеры еще не исследованы. На некоторых стоянках встречается такое огромное число различных остатков, что невольно возникает предположение о том, что на этих стоянках человек жил продолжительное время и, таким образом, мы можем говорить об относительной оседлости палеолитического человека.

Возможно, что на таких крупных стоянках, как Афонтова гора, у охотников были прочные жилища в виде землянок. Паллас в XVIII веке, посетивший отсталые племена Дальнего Востока передает об отвратительной нечистоте, скоплавшейся в землянках этих туземцев, которых новейшие работы иностранных археологов (Морган) считают потомками людей палеолитической эпохи (Мадленской). Поэтому мы вправе предполагать, что в жилищах палеолитического человека на Енисее была такая же отвратительная нечистота, как и в землянках отсталых племен Дальнего Востока XVIII века.

Не надо представлять себе одежду палеолитического человека такой, какой ее обычно изображают художники в реставрации быта первобытных людей. Палеолитический человек не ходил в небрежно наброшенных на плечи шкурах животных—у него был костюм, вполне приспособленный к тому суровому климату, в котором он жил. Об этом свидетельствуют иглы и пуговицы и другие находки из раскопок. Можно высказать предположение, что костюм современных туземцев севера, носящий все признаки долгой работы человека над его рационализацией, в основном сложился в палеолитическую эпоху. Очень вероятно, что шкуры и меха, из которых шились одежды, окрашивались, так как в распоряжении человека были и специальные для этой цели инструменты (ступки, фасеточные молотки и т. д.) и краски (охра различных тонов). На одежде, кроме того, имелись разнообразные подвески из кости, мыльного камня, вокруг шеи были ожерелья из зубов животных, а на руках и ногах—браслеты. Тело, возможно, было татуировано.

Глиняной посуды у человека еще не было и, конечно, возникает вопрос в каких сосудах он держал воду. Здесь могут быть только предположения: или в долбленных деревянных сосудах, или сделанных из коры или просто из кожи.

Социальная организация палеолитической эпохи может быть охарактеризована только в общих, очень грубых чертах, так как фактического материала по этому вопросу еще недостаточно. В палеолитическом обществе, наверное, было много элементов первобытного коммунизма: коллективная охота, общее потребление, групповой брак, но наряду с этим уже намечалось известное разделение труда и в первую очередь по признакам пола и возраста. Уже наметилась известная организация власти, принадлежавшая наверное старейшинам.

Еще меньше данных у нас от психической жизни первобытного человека. Ученые предполагают, что его мировосприятие было не похожим на наше.

От палеолитического человека произведений „чистого искусства“ до нас не дошло. Но стремление к красивому у него было, как это видно из всевозможных украшений, о которых мы говорили выше.

Неолитическая эпоха.

Переход к неолитической эпохе.

Ледниковое время кончилось и наступило последнее ледниковое время—та геологическая эпоха, в которой мы живем. Зима становилась все холоднее и холоднее, а лето, наоборот, жарче. Климат заметно делался сухим, но все эти изменения происходили медленно и мало отразились на хозяйстве, технике и укладе жизни первобытного человека. К тому же дичи по прежнему было в изобилии, так как откочевавших на родину северных животных и вымершего мамонта сменили пришедшие с юга степные формы: дикие быки, лошади и горные: горные бараны, сайги и т. д. Только долгое время оставался северный олень.

В орудиях труда, сохранившихся от первобытного человека этого времени, поразительно много общего с орудиями палеолитической эпохи, так много общего, что даже археологи-специалисты не находят в них крупных отличий. Поэтому мы вправе предполагать, что и человек этого времени немного подвинулся вперед в своем развитии сравнительно с предыдущей палеолитической эпохой, он фактически продолжал жить жизнью палеолитического человека.

Новые изменения климата.

Но началось увлажнение климата и тайга вновь повела наступление на степь и тундру и стала захватывать новые обширные пространства. Зеленое море залило нашу страну. Дремучий лес с бурно развившейся травяной растительностью, с болотами и непроходимыми топями, со зверями, птицами и гнусом изменил прежние ландшафты нашего края. С изменением ландшафта нарушилось подвижное равновесие мира живых существ, имевших место в предыдущую эпоху. Те животные, которые служили объектом охоты первобытного человека или эмигрировали или погибли перед натиском пришедшей с тайгой лесной фауны, вполне приспособленной к новым условиям существования: перед сохатым, маралом, кабаном, бобром и другими животными.

Для примитивного хищнического хозяйства нужны, как мы указывали выше, большие земельные площади. Тайга резко ограничила площадь эксплуатируемую человеком, вытеснив его к берегам Енисея и его притоков. Человек мог использовать для своего хозяйствования узкую береговую полосу рек, реки сделались единственными путями сообщения: всюду стоял дремучий лес непроходимой стеной, полный всякими опасностями.

Новые переселения. И человек должен был в корень изменить свое хозяйство или передвигаться за поисками привычных ему условий, существования. Надо поэтому думать, что начало неолитической эпохи ознаменовалось в Сибири новыми переселениями человеческих групп, которым было легче эмигрировать даже на далекие расстояния, чем приспособляться к новой обстановке.

К сожалению, неолитическая эпоха в нашем крае изучена меньше, чем палеолитическая и мы не имеем точно установленных фактов об этих переселениях. Наши знания неолитической культуры базируются на под'емном материале, имеющем большое распространение по Енисею. Каменные орудия неолитического облика находят далеко на севере: по словам проф. Б. Э. Петри они встречаются даже в Дудинке; крупные каменные топоры и долота найдены в послереволюционное время при устье Средней Тунгуски и совсем недавно — и на берегах среднего течения той же реки. Раскопок в этих местах произведено не было и мы не знаем, являются ли эти орудия неолитическими или сохранились в обиходе племен севера, как пережиток прошлого, подобно тем каменным орудиям которые употреблялись еще в XVIII века отсталыми в культурном отношении туземцами Дальнего Востока.

Пережитки камня в поздних культурах заставляют быть крайне осторожным в общении фактов, полученных в результате изучения под'емных материалов, из которых состоят „неолитические“ коллекции наших музеев. Но все же можно сделать предположение, требующее, конечно, дополнительных подтверждений и проверки методом археологических раскопок, о существовании в нашем крае в неолитическую эпоху трех культур: из которых первая развилась на месте путем эволюции из палеолитической культуры.

Эта культура с каменными орудиями „палеолитического облика“ и без керамики устанавливается для окрестностей Красноярска главным образом по раскопкам Бирюсы и только предположительно, на основании под'емного материала — для юга нашего края. Что же касается севера, то там заметно мощное влияние Байкальской неолитической культуры. Характерные формы этой культуры (каменные крупные долота-теслы, „ангарские“ топоры с выступами для привязывания к топорщикам и др.) очень многочисленны по всему течению Ангары. Они встречаются также в районе Обь-Енисейского канала и возможно проникли еще западнее. Что же касается нашего юга, то влияние Байкальской неолитической культуры сказалось значительно слабее, но все же оно заметно и для окрестностей Красноярска и даже для Минусинского края.

Наконец проф. Мергарт устанавливает третью неолитическую культуру, характеризующуюся в первую очередь гребенчатой керами-

кой. Эта культура, по мнению австрийского ученого, проникла в наш край с Дальнего запада, широко распространена по Енисею, встречается на Ангаре и доходит до Байкала. Как далеко она распространяется на Восток—неизвестно.

Прогресс техники.

Оставшиеся по берегам среднего течения Енисея человеческие массы повели жестокую борьбу с тайгой. Эта борьба была ужасна и едва ли бы человек вышел из нее победителем, если бы им не было сделано целого ряда очень важных технических изобретений.

Тайга захватила первобытного человека с техническим инвентарем—наследием прошлой эпохи и долгое еще время человек пользовался старыми орудиями труда мало пригодными в новой обстановке. Но постепенно к старому техническому инвентарю стали присоединять новые типы орудий, необходимых для жизни в тайге. Пользуясь преимущественно тем же исходным материалом, что и в палеолитическую эпоху—речной галькой—человек вырабатывает из него новые необходимые в тайге типы орудий—очень совершенную форму топора в виде клина (кстати сказать, форма этого топора сохранилась в наше время в железном колуне), различные долотообразные орудия, и наконечники дротиков. Кроме того, человеком делается очень важное изобретение—полирование. Для того, чтобы усилить эффект действия орудий, при помощи песка, воды и камня полируется только рабочая часть орудия—лезвие, а потом по мере дальнейшего совершенствования техники полирования—шлифуются некоторые орудия целиком. В конце неолитической эпохи при переходе к металлу, человек достиг в шлифовании подлинной виртуозности—до нас дошли замечательно тонкой работы полированные топоры из нефрита—чрезвычайно твердого камня. Несомненно человек еще в палеолитическую эпоху был знаком с техникой сверления, но эти технические навыки применялись только при изготовлении украшений. В неолитическую эпоху техникой сверления человек продолжал изготовлять только украшения, впрочем из более твердого материала, чем в палеолитическую эпоху. Значительных успехов достиг человек вообще в технике обработки камня и, особенно в изготовлении наконечников стрел для нового и очень важного в эту же эпоху изобретенного орудия—лука.

Что же касается костяных изделий, то улучшения в их изготовлении незаметно, что может быть объясняется тем, что в распоряжении человека уже не было такого ценного материала, как бивня мамонта. По-прежнему из кости делались различные шилья, проколки, кинжалы—вкладыши, иголки и др., а также различные украшения.

Глиняная посуда.

Кроме того, человек ввел в свой хозяйственный обиход еще новое изобретение—глиняную посуду. Значение этого изобретения, конечно, было громадно, так как ранее человечество питалось или сырой пищей или жареной, теперь же открылась возможность варить пищу и утилизировать более рационально различные растительные продукты.

Все эти изобретения—и в технике обработки орудий, и лук и глиняная посуда появляются у нас на Енисее, судя по раскопкам Бирюсы очень поздно в самом конце неолитической эпохи. Если допол-

нительные исследования подтвердят данные раскопок Бирюсы, то мы сможем утверждать, что на Енисее в районе современно Красноярска основные изобретения неолитической эпохи появились тогда, когда в Минусинском крае уже начинала развиваться бронзовая культура.

Надо думать, что человек достиг большего совершенства в различных деревянных поделках и техническом использовании коры деревьев. Возможно, что позднее появление у нас керамики объясняется тем, что человек пользовался деревянными и берестяными сосудами. Техника обработки шкур повидимому продолжала эволюционировать, поскольку в хозяйственном обиходе человека продолжают оставаться различные инструменты для обработки шкур.

У нас нет данных говорить о том, что в неолитическую эпоху человек использовал растительное волокно, как материал для одежды. Он по-прежнему одевался в шкуры животных, но несомненно человек уже использовал растительное волокно для претения сетей.

Промыслы. Основными промыслами человека сделались охота и рыболовство. Одно рыболовство едва-ли смогло прокормить человека на среднем Енисее, даже и в том случае, если допустить для неолитической эпохи несколько большие запасы рыбы, чем в наше время. Бесспорно, во всяком случае, то положение что рыболовство уже играет значительную роль в хозяйстве человека. Увеличивается значение и растительной пищи: ореха, ягод, корней, меда и др.

К концу эпохи человек, возможно, уже переходит к примитивному земледелию, но разумеется это земледелие большого значения в его хозяйстве иметь еще не могло. Надо сказать, что точных данных относительно земледелия в неолитическую эпоху в нашем крае еще не собрано, так как нельзя считать установленной принадлежность к неолиту различных каменных пестов, терок „мельниц“ и т. д. находимых на данных стоянках. Очень возможных, что все эти предметы относятся к более позднему металлическому периоду. У нас нет также материала и для решения вопроса о том, какие животные были приручены на Енисее в неолитическую эпоху. Обычно считают, что в интересующую нас эпоху были приручены: первой—собака, потом другие животные: корова, свинья, лошадь и овца. Мы не сомневаемся в том, что в неолитическую эпоху собака уже была домашним животным первобытного человека на Енисее, раз в палеолитическую эпоху волк уже был близок к приручению. Кроме того, надо пересмотреть вопрос о приручении северного оленя. Обычно считают, что он сделался домашним животным очень недавно. То обстоятельство, что человек жил с оленем бок о бок многие тысячелетия и в его распоряжении была собака, позволяет высказать предположения о том, что северный олень был приручен значительно раньше и даже в каменный период.

Хозяйство неолитического человека в основном продолжало носить хищнический характер, но к концу эпохи он уже начинает более разумно использовать производительные силы природы. Рыболовство, а затем и земледелие предполагает более оседлый образ жизни. Человек селится по берегам рек, используя естественные пещеры, или устраивая себе землянки или шалаши. Стоянки человека на

Енисее и Ангаре приурочиваются к устьям небольших речек, где было удобнее ловить рыбу, или у тех мест, где имеются так называемые „стерляжььи ямы“. Неолитические стоянки так мало у нас изучены, что не можем сказать—носили ли они постоянный характер или временный.

Одежда неолитического человека, конечно, была близка к одежде современных туземцев—обитателей леса, при чем в качестве материала для костюма служили преимущественно шкуры животных.

Любовь первобытного человека к украшениям по прежнему сохранилась: только вместо зубов песца он надевал ожерелья из зубов кабана, к различным костяным подвескам и из мыльного камня присоединялись подвески и кольца из нефрита.

Первые глиняные горшки имели не совсем обычную для нас форму—яйцевидную. Такие горшки ставились на костер между камнями. На многочисленных черепках глиняной посуды, видны различные рисунки—орнамент, иногда очень сложный.

Что касается социальной организации неолитического человека, то данных по этому вопросу у нас по прежнему очень мало. Элементов первобытного коммунизма стало меньше, чем в палеолитическую эпоху. Наверное образовался родовой строй. Уже намечаются зачатки примитивной религии, наверное близкой к шаманизму. Об этом говорят и различные костяные фигурки, имеющие несомненно культовое значение и изображения рыб. Обряд погребения свидетельствует о том, что у неолитического человека появляются и представления о загробной жизни.

Переход к металлу.

Каменные орудия не сразу исчезли из обихода первобытного человека после того, как в наш край проникли навыки обработки металла. Знакомство с металлом у насельников Енисея произошло не одновременно и человеческие племена, попавшие в осяо неблагоприятные внешние условия—на дальний север или в глухую тайгу мелких притоков Енисея еще долгое время продолжали вести образ жизни людей неолитической эпохи и продолжали употреблять каменные орудия. То исключительное многообразие физико-географических условий, которое мы наблюдаем в наше время в Приенисейском крае, конечно, имело место и в прошлом и, конечно, влияло на темп развития отдельных человеческих племен.

Н. Ауэрбах.

Библиография.

Библиография археологических работ опубликованных до 1923 г. представлена почти с исчерпывающей полнотой у В. П. Косованова:

Библиография Приенисейского Края. Том II, стр. 73-88. Из новейших работ укажем:

1. Анучин Д. Н. Азия, как прородина и учительница человечества, ее настоящее и будущее („Новый Восток,“ 1922 № 1).

2. Он-же. Ископаемый человек в Азии и Африке („Новый Восток,“ 1923. № 2).

3. Ауэрбах Н. К. Доисторические богатстве Сибири, их охрана и изучение. Труды I Сиб. Краевого Научно-Исследовательского С'езда Том V.

4. Он-же. Археологические исследования в Сибири в 1927 г. („Сиб. Огни“ 1928 № 3).

5. Он-же. Раскопки Афонтовой III. (Рукопись, предназначенная для Трудов О-ва изучения Сибири, т. 1).

6. Ауэрбах Н. К. и Громов В. Н. Раскопки Бирюсинской стоянки (Рукопись предназначенная для „Известий Средне-Сибирского Географического Общества).

7. Ауэрбах Н. К. и Сосновский Г. П. Остатки древнейшей культуры человека в Сибири. („Жизнь Сибири“ 1924, № 5-6.

8. Ауэрбах Н. К. и Сосновский Г. П. Экскурсии в прошлое человечества (Сиб. Педагогический журнал, 1925, № 6).

9. Они-же. Экскурсии в Прошлое человечества. (Сибирский Педагогический журнал, 1926, № 7).

10. Богораз, В. Г. Древние переселения народов в Северной Евразии и Америке (Сборник Музея Антропологии и Этнографии Академии Наук СССР. 1927, том VI).

11. Он-же. История изучения Востока в Европе и России. (Лекции, читанные в университете и в Ленинград. Институте живых восточных языков). Изд. Ленингр. Института живых Вост. язык., 1925.

12. Воробьев Н. И. Дюнная стоянка в окрестностях г. Канска (Изв. О-ва Археол., истории и этнографии при Казан. Гос. Универ. имени В. И. Ленина, 1927. Том XXXIII, вып. 4.

13. Городцов В. А. Археологические раскопки и разведки в Советской России с 1919 г. по 1923 г. („Древний Мир“, периодический орган, издаваемый Археол. Отделением Научно-Исслед. Института Археологии и Искусствознания в Москве. Вып. 1 1924).

14. Громов В. И. Остатки древнейшего человека в Сибири и современная ему фауна („Жизнь Сибири“, 1924, № 6).

15. Он-же. К вопросу о возрасте сибирского палеолита (Доклады Академии Наук СССР, серия А, № 10, 1928).

16. Жуков Б. С. Работы по палеоэтнологии в СССР за 1918-25 г. г. („Этнография“ 1926, вып. 1-2).

17. Мергарт, Г. Результаты археологических исследований в Приенисейском крае. (Известия Красн. Отдела Русского Географического О-ва. Т. 3, вып. I, 1923 г.).

18. Петри Б. Э. Сибирский палеолит. Атлас. 1927.

19. Он-же. Сибирский неолит (Извест. Биолого-Географического Научно-Исследов. Института, вып. VI том 3. 1926).

20. Попов А. В. Очерк палеоэтнологических исследований и достижений ВСОРГО за 75 лет (1851-1926). Изв. ВСОРГО, 1926. Том 1.

21. Сосновский Г. П. Палеолитические стоянки в Минусинском крае („Сиб. Живая Старина“, ВСОРГО, 1924, вып. 2).

22. Он-же. Новые стоянки палеолитического периода в окрестностях г. Красноярска (Записки Иркут. Научного Музея. вып. 1, 1924).

23. Он-же. Краткая программа для сбора сведений по доисторической археологии. Красноярск. 1925.

24. Сушкин П. П. Высокогорные области земного шара и вопрос о родине первобытного человека („Природа“, 1928. № 3).

25. Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае („Материалы по этнографии“. Том 3 вып. 2 1927. Издание Русского Музея в Ленинграде (Об Афанасьевской культуре).

26. Тугаринов А. Я. К послетретичной истории ландшафта Сибири (Доклады Российской Академии Наук. 1925. (Январь-Март).

27. Merhart G. The paleolithic period in siberia: contributions to the prehistory of the Jenissei region. (American Anthropologist, Vol, N 1, 1923).

28. Он-же. Neuere Litteratur über die steinzeit siboriens. (Отдельн. оттиск из Wener Prähistorischen Zeitschrift 1924, № 1).

29. Он-же. Neolithikum.

Отд. оттиск. из „Reallexikon der Vorgeschichte“. Berlin.

30. Sawicki L. Materjaly do znajomosci prehistorji Rosji Poznan. 1928.